

Современный медиатекст рассматривается как один из признаков кризиса городской идентичности. В Иркутске с 1960-х годов существовало активное общественное движение по сохранению культурных памятников. Значение исторических топонимов для городской идентичности общепризнано в профессиональной и культурной среде. Это дало возможность манифестирования темы топонимической реставрации. Волна частичной топонимической реставрации 1990-х годов в исторических российских городах была полностью проигнорирована иркутскими властями, а вне ее рамок были произведены лишь отдельные конъюнктурные переименования топонимов. В современных кризисных процессах медиа посредством медиатекстов выступают идентификаторами, маркерами кризиса, информаторами, производителями конфликтов, пространством кризисных проявлений и средой распространения конфликта.

Ключевые слова: кризис; идентичность; медиатекст; топонимическая реставрация; дискурс; конфликт. /

The modern media text is considered as one of the markers of the urban identity crisis. Since the 1960s there has been an active social movement for the preservation of cultural monuments in Irkutsk. The importance of historical toponyms for the city identity is generally recognized in the professional and cultural sphere. This provided an opportunity to manifest the theme of toponymic restoration. The wave of partial toponymic restoration in historical Russian cities in the 1990s was completely ignored by the Irkutsk authorities, and there were just a few cases of opportunistic renaming of toponyms beyond it. In the contemporary crisis processes, media acts through media texts as identifiers, crisis markers, informants, conflict producers, the space of crisis manifestations and the medium of conflict propagation.

Keywords: crisis; identity; media text; toponymic restoration; discourse; conflict.

Топонимическая реставрация и медиатекст как маркер кризиса городской идентичности / Toponymic restoration and media text as a marker of urban identity crisis

текст

Александр Гимельштейн
Иркутский
государственный
университет

Ирина Гимельштейн
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет /
text

Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University
Irina Gimelshteyn
Irkutsk National Research
Technical University

Исторический Иркутск, старейший русский город Байкальской Сибири, казалось бы, обладает полным набором ценностей, обеспечивающих городскую идентичность, особость, непохожесть. Однако обратимся к критериям, с помощью которых Н. Анисимов [1] предлагает измерять городскую идентичность:

- общность городского сообщества (насколько единым является видение горожанами своего прошлого, настоящего и будущего, связанного с городом);
- уникальность города (представления горожан об общей степени уникальности города, его общих и особых черт);
- восприятие города «вне контекста» (в отрыве от нации, страны, региона);
- уровень положительной оценки (уровень городского патриотизма, интерес к городской культуре и истории);
- реализованный практический потенциал идентичности (наличие положительных примеров реализации общегородских проектов).

Применение вышеназванных инструментов дает основание для вывода о кризисе городской идентичности в Иркутске. А так как уникальная топонимика является важнейшей частью уникальности города, мы имеем возможность подтвердить этот вывод анализом событий 2016 года, названных масс-медиа «иркутской топонимической войной».

Топонимические памятники организуют культурно-историческое пространство, в котором живут, подчеркивают его уникальность и своеобразие, обеспечивают историческое преемство, свидетельствуют о древности и историчности окружающей их среды, фиксируют события, запечатлевают утраченные городские объекты, особенности рельефа, имена и занятия жителей [2].

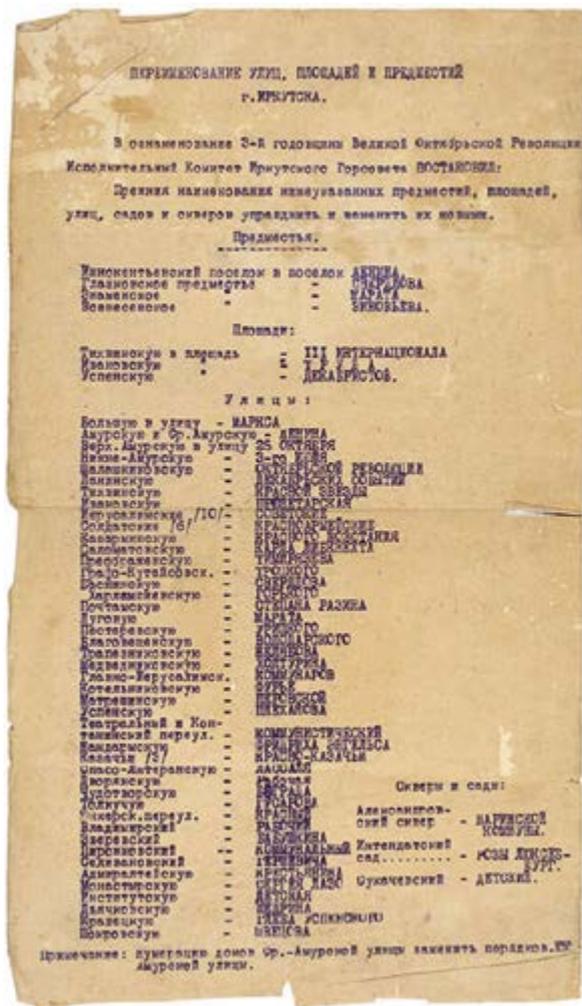
В 1920 году в Иркутске заменены 70 из 185 топонимов – десять имен площадей и предместий и 60 названий улиц [3]. В дальнейшем эти изменения продолжились. Массовые переименования шли в это время по всей стране – победители закрепляли имена своих героев и свои идеалы в местных топонимах. Тем самым страница, связанная с дореволюционными названиями городских объектов, была перевернута.

В 1934 году произведено 25 переименований, в 1940-м – еще 58.

Стоит отметить, что для многих губернских, да и уездных городов до прихода советской власти была характерна оригинальная топонимика. Специфической особенностью Иркутска были купеческие топонимы. Конечно, такая практика свойственна не только нашему городу, потому что нередко наименование улицы шло от собственника крупного магазина. В Иркутске тоже такое случалось, но чаще это были «наградные» названия. Иркутское купечество славилось своей филантропией. Средства, которые они отправляли на благотворительные цели, выделялись, как правило, не на меценатство – поддержку культуры, искусства и науки, а на дома призрения, учебные заведения и социальные нужды. У нас есть некая недооценка масштабов благотворительности той эпохи, несравнимых с современными объемами спонсорства. Среди иркутских купцов были те, кто потратил на благотворительные цели миллион рублей, когда стоимость одного пуда (16 кг) муки была 36 копеек ассигнациями. Подобная практика поощрялась императорским правительством. За благотворительную деятельность купцов награждали орденами и высокими чинами по Табели о рангах, а городское сообщество называло в их честь улицы. Таких улиц было множество, что и образовало иркутскую «особость», поскольку такая топонимика была абсолютно оригинальной.

Советский Иркутск после 1920 года строился и расширялся, а значит, советская топонимика появлялась и естественным порядком. Так, улицы в Поселке энергетиков назывались в честь энергетиков. Как и по всей стране, в нем стали появляться улицы, названные в честь ученых, писателей, деятелей искусств. Все это сформировало советскую топонимику, в которой были интересные элементы, и, безусловно, она также имеет настоящую историческую ценность.

Если говорить о топонимической реставрации (именно этот термин здесь будет наиболее уместен), то ее резонно применять исключительно к историческому центру столицы Прибайкалья. Именно здесь исторические названия являются памятниками истории и культуры. Существует масса законодательных актов, защищающих памятники

архитектуры, но, к сожалению, отсутствует законодательство, охраняющее топонимические памятники.

В Иркутске с 1960-х годов существовало активное общественное движение по сохранению культурных памятников. Проблематика городской идентичности допускалась даже подцензурной советской прессой, воспринимаясь как культуроведческая [4]. Значение исторических топонимов для городской идентичности общепризнано в профессиональной и культурной среде. Это создало условия для сравнительно раннего манифестирования темы топонимической реставрации. Историки, краеведы, деятели культуры пришли к концу XX и началу XXI века с определенной общей идеей восстановления ряда исторических топонимов. Но волна частичной топонимической реставрации 1990-х годов в исторических российских городах почти полностью проигнорирована иркутскими властями. Прецедент, однако, был создан: предместью Марата возвращено название «Знаменское». Но решение являлось очевидной уступкой инициаторам – деятелям иркутской культуры и было реализовано обдуманно формально, без отражения в улично-адресной и транспортной сети и оповещения жителей [5].

В 1996 году Борис Говорин, возглавлявший одновременно Думу и администрацию города Иркутска, инициировал и провел решение городской Думы «в целях увековечивания памяти ныне здравствующих Героев Советского Союза – иркутян», переименовать к празднику русской духовности и культуры «Сияние России» (3–6 октября т. г.) улицы:

- 1 Летчиков в улицу имени Героя России П. Д. Егорова;
- Ново-Ямскую в улицу имени Героя Советского Союза В. П. Лызина;

– 5 Советскую в улицу имени Героя Советского Союза Б. А. Пискунова;

– Приморскую в улицу имени Героя Советского Союза В. М. Безбокова.

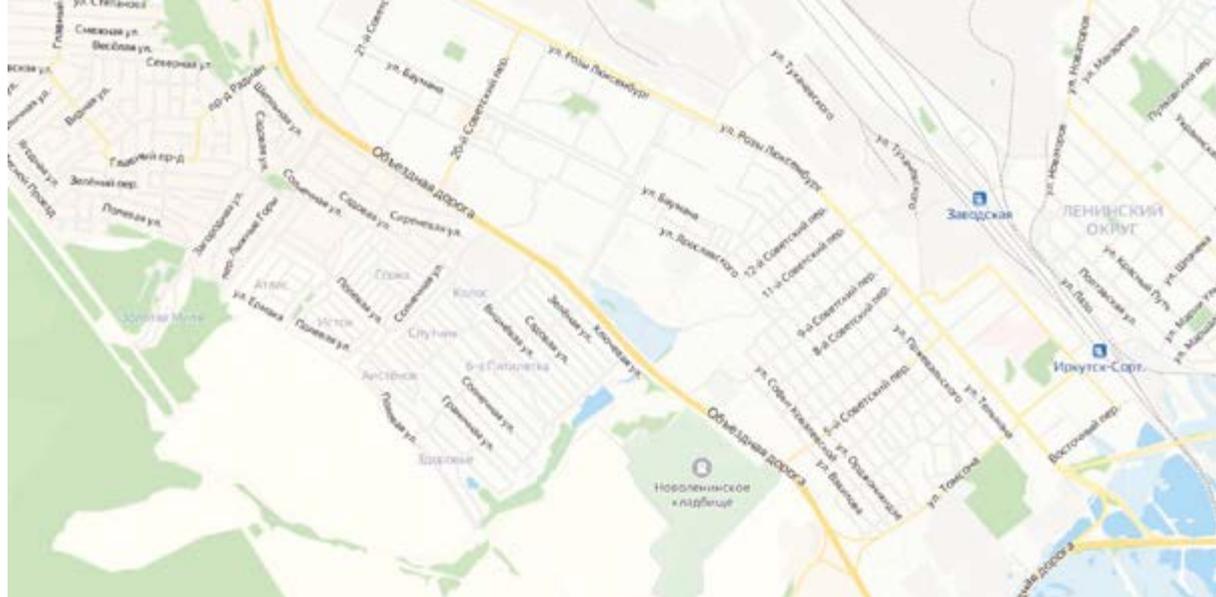
К рассматриваемой проблеме это решение прямо не относится, но имеет значение, поскольку многолетним (и ложным) аргументом в оппонировании городских чиновников топонимической реставрации были якобы крайне значительные расходы по переименованию улиц. Эта риторика применялась для противодействия изменениям до середины 2010-х годов, реальный (и практически бесплатный в реализации) опыт 1996 года никогда не артикулировался. Дальнейшая трансформация местного самоуправления отнесла вопросы наименований/переименований элементов городской инфраструктуры к исключительным полномочиям главы администрации. Об отношении к проблеме мэра Иркутска Владимира Якубовского, сменившего Бориса Говорина, говорит нижеследующее: в качестве заместителя председателя Комиссии по топонимике при администрации города один из авторов этой статьи (А. Гимельштейн) 23.01.2003 года официально обратился к В. В. Якубовскому с письмом, в котором, в частности, отмечалось: «<...> Процесс возвращения улицам исторических наименований требует осторожности и такта. Я полностью поддерживаю сдержанность подходов к этой проблеме мэра города Иркутска. Однако в начале 21 века три центральные иркутские улицы носят имена террористов – убийц. Думаю, что ни одна политическая сила, в том числе левой части политического спектра, не сможет назвать этих людей по-другому. <...> даже партийным идеологам было некомфортно перевозносить деяния террористов – народоульцев. Это привело к тому <...>, что имена самих убийц – <...> Каракозова, Рысакова и Гриневицкого не были «впечатаны» в названия улиц, а организаторы покушений – Желябов, Перовская, Халтурин были удостоены подобной чести.

В случае вашего согласия с вышеизложенным, полагал бы целесообразным, чтобы инициатива в этом вопросе принадлежала мэру, а общественность Иркутска, без сомнения, поддержит главу местного самоуправления в возвращении исторических наименований улиц – Большая Трапезниковская (Желябова), Матрёшинская (Софьи Перовской) и Медведниковская (Халтурина) <...>. Ответа на обращение не последовало.

Следующий избранный мэр Иркутска, Виктор Кондрашов, несколько раз публично объявлял о намерении вернуть ценные исторические топонимы, в частности, улицу Адмиралтейская (ныне Сурнова). В поддержку топонимической реставрации выступал Благотворительный фонд «Наследие Иркутских меценатов», возглавляемый женой мэра. Однако пятилетняя каденция Кондрашова была завершена без решений по топонимической реставрации.

После избрания в 2015 году Думой Иркутска мэра Дмитрия Бердникова городская комиссия по топонимике предложила ему рассмотреть возможность возвращения ценных исторических топонимов по достаточно ограниченному списку:

- Большая (Карла Маркса)
- Амурская (Ленина)
- Тихвинская (Сухэ-Батора)
- Баснинская (Свердлова)
- площадь графа Сперанского (сквер Кирова)
- Арсенальская (Дзержинского)
- Адмиралтейская (Сурнова)
- Трапезниковская (Желябова)
- Шелашниковская (Октябрьской революции)
- Луговая (Марата)
- Пестеревская (Урицкого)

Иерусалимская (4-я Советская)
 Преображенская (Тимирязева)
 Благовещенская (Володарского)
 Чудотворская (Бограда)
 Матрёшинская (Софьи Перовской)
 Медведниковская (Халтурина)
 Саломатинская (Карла Либкнехта)
 Успенская (Плеханова)
 Котельниковская (Фурье)
 Ланинская (Депутатская)
 Русиновская (Лебедева-Кумача).

В мае 2016 года в Иркутске начался острый конфликт, связанный с постановлением мэра города, принятом по инициативе городской комиссии по топонимике. Был выпущен пакет решений о возвращении улице Бограда имени Чудотворская, присвоении скверу у здания компании «Востсибуголь» наименования «Тихвинский», площади, расположенной у правительства Иркутской области, – имени графа Сперанского, а также переименовании остановки «Гостиница Ангара» в «Площадь Графа Сперанского».

Носило ли возвращение дореволюционных названий идеологический характер? Являлось ли очередным этапом борьбы «белых» и «красных»? Во всяком случае, когда вышеупомянутый пакет решений был принят, «левой» стороной политического спектра он был воспринят исключительно так. Принятые решения вызвали резкую реакцию КПРФ, которая в то время находилась у власти в регионе. Прошел специальный пленум обкома КПРФ (4 июня 2016), который выдвинул категорическое требование:

- Отменить постановление о переименовании ул. Бограда.
- В дальнейшем все решения о переименовании принимать только по результатам волеизъявления жителей (через референдум или общее собрание).
- Распустить дискредитировавшую себя комиссию по топонимике и создать новую из профессионалов и представителей общественности, с уважением относящихся к мнению граждан.

Мэрия областного центра не поддавалась давлению. Все решения устояли.

Спецификой рассматриваемого конфликта является то, что он имел ограниченный масштаб публичных действий: несколько попыток проведения пикетов и митингов по инициативе движения «Суть времени» не стали событием даже в точках дислокации активистов. Одновременно уровень участия в этом конфликте местных и федеральных цифровых медиа, их деятельностный интерес и выраженная позиция были настолько велики, что сформировали парадокс: медиа назвали «топонимической войной» существо происходящих событий, в то время как правильнее было отнести этот хлесткий термин к дискурсу, сформированному самими цифровыми медиа.

В «медиавойне» приняли участие цифровые ресурсы: ИрСити.ру, ИА «Альтаир», ИА «Ирк.ру», БайкалИнфо, ИА «Красная весна», Иркутск Ньюс, Бабр.ру, ИА «Телеинформ», КП.ру, РГ.ру, Благовестинфо, Ирк.АиФ.ру, ПримаМедиа.ру, РИА «ФедералПресс», Тайга-Инфо, Легитимист.ру, ВСП.ру, КПРФ.ру, МК.ру, Правмир.ру, интернет-журнал «Мои года», интернет-СМИ «Иркутская торговая газета», «Глагол38», Telex.news, ИА «Русская линия», БГ-Иркутск, ряд блогов на платформе «Живой журнал» и др.

Местные и федеральные медиа стали основным пространством конфликта, превратившись не просто в инструмент информирования, но в полноправного субъекта конфликта, усиливающего его развитие [6; 7; 8; 9]. На первый взгляд, это можно отнести к следствиям запретительной практики действующего российского законодательства о референдумах, организации митингов и пикетов. Иркутские исследователи добавляют к этому указание на две основополагающие проблемы:

1. Отсутствие должной образованности населения в этом вопросе; история Иркутска в настоящее время – дисциплина очень ограниченная по распространенности и практически неизвестна самим горожанам.
2. Отсутствие новых и эффективных возможностей продвижения идеи, растолкования основных аспектов, которые не позволяли бы развиваться мифам, сопровождающим вопрос топонимической реставрации [10].

Список некоторых ныне существующих улиц Иркутска:

Улица 9 км Каи
Иркутский (Иркутный) 4-ый переулок
Улица 8 км Александровского тракта
Улица 9 км Якутского тракта
Плодоягодный проезд
улица Угольный склад
улица Шпальная ветка
Улица Металлобаза
Улица Мехгорка
Две улицы Ворошиловская
Две улицы Московская
Две улицы Ключевая
Две улицы Полевая
Две улицы Нестерова
Две улицы Ольховская

Две улицы Северная
Два Сарайных переулка
Два Локомотивных переулка
Три улицы Советская
Три улицы Красноказахья
Три переулка Топкинский
Четыре улицы Карьерная
Четыре улицы Огородная
Пять улиц Железнодорожная
Пять улиц Летчиков (причем есть 2-я, 3, 4, 5, 6)
и проезд Летчиков
Пять переулков Заводской
Шесть переулков Западный
Шесть улиц Линия
Семь улиц Кировская + Главная Кировская
Девятнадцать (в ряде источников – Двадцать один)
Советский переулок
Улица Прирельсовые склады

Информативные и коммуникативные функции медиа наиболее полноценно реализовываются в рамках полноценной общественной дискуссии. В рассматриваемом процессе имело место замещение такой дискуссии «войной» в средствах массовой информации на фоне безмолвствующих (в статистически значимых величинах) горожан.

Медиатексты, совмещающие вербальную часть текста с медийными свойствами того или иного средства массовой информации, выступили, таким образом, идентификаторами, маркерами кризиса городской идентичности, подчеркнув минимальную включенность большинства населения в дискуссию, отстраненность горожан от города как пространства смыслов и исторической памяти.

Литература

1. Анисимов, Н. О. Идентичность и город // Наука. Искусство. Культура. Белгородский государственный университет искусств и культуры. – 2019. – № 3 (23). – С. 170–179
2. Снарский, А. С. Топонимическая реставрация в Иркутске // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (46). – С. 92–94
3. Дулов, А. И. Вернуть Адмиралтейскую // Сибирский энергетик. – 2012. – 5 окт.
4. Ячменев, Е. Почему бы не восстановить памятник // Восточно-Сибирская правда. – 1979. – 29 сент.
5. Сергеев, М., Бутаков, Г. [и др.]. Возвращение Знаменского предместья // Восточно-Сибирская правда. – 1994. – 10 марта
6. Байчик, А. В. Массмедиа. Ценности. Конфликт. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2020. – 248 с
7. Кинаш, Ю. С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2017. – № 4 (26). – С. 118–121
8. Смирнова, О. В., Шкондин, М. В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10. – № 1. – С. 5–21
9. Вартанова, Е. Л., Дунас, Д. В., Гладкова, А. А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 3–32
10. Полюшкевич, О. А., Попова, М. В. Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. – 2018. – № 9. – С. 86–97

References

- Anisimov, N. O. (2019). Identichnost i gorod [Identity and the city]. Nauka. Iskusstvo. Kultura, Belgorodskij gosudarstvennyj universitet iskusstv i kultury, 3(23), 170-179.
- Bajchik, A. V. (2020). Massmedia. Tsennosti. Konflikt [Mass media. Values. Conflict]. SPb.: Izd-vo RKhGA.
- Dulov, A. I. (2012, October 5). Vernut Admiraltejskuyu [Return the Admiralty]. Sibirskij energetik.
- Kinash, Yu. S. (2017). Rol SMI i «novykh media» v sovremennykh politicheskikh konfliktakh [The role of mass media and “new media” in modern political conflicts]. Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta, 4(26), 118-121.
- Polyushkevich, O. A., Popova, M. V. (2018). Vliyanie toponimiki na identichnost zhitelej goroda (po materialam Irkutskaja) [The influence of toponymy on the identity of the city's residents (based on Irkutsk materials)]. Sociodinamika, 9, 86- 97.
- Sergeev, M., Butakov, G. et al. (1994, March 10). Vozvrashchenie Znamenskogo predmestya [The return of the Znamensky suburb]. Vostochno-Sibirskaya pravda.
- Smirnova, O. V., & Shkonadin, M. V. (2021). Issledovaniya media i zhurnalistik v kontekste konfliktologii: sistemno-teoreticheskie aspekty [Media and journalism studies in the context of Conflictology: system-theoretical aspects]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistik, 10(1), 5–21.
- Snarsky, A. S. (2015). Toponymic restoration in Irkutsk. Project Baikal, 12(46), 92–94. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.958>
- Vartanova, E. L., Dunas D. V., & Gladkova, A. A. (2021). Media i konflikty: issledovanie vzaimovliyaniya v aktualnom akademicheskom diskurse [Media and conflicts: The study of mutual influence in the current academic discourse]. Vestn. Mosk. Un-ta. Seriya 10. Zhurnalistsika, 4, 3-32.
- Yachmenyov, E. (1979, September 29). Pochemu by ne vosstanovit pamyatnik [Why not restore the monument]. Vostochno-Sibirskaya pravda.